

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе и цифровому развитию
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

д-р физ.-мат. н., проф.
Алексей Александрович Короновский

2022 г.

**Отзыв ведущей организации
о диссертации Стрельниковой Екатерины Сергеевны
«Мифотворчество в ранних произведениях
Владимира Маяковского (1912 – 1916 гг.)»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература
(Воронеж, 2022)**

Каждая амбициозная работа, посвященная творчеству В. Маяковского, независимо от конкретных целей исследования, в конечном счете преследует две задачи: 1. деидеологизация (с.7), демифологизация образа поэта («Преодоление одного из таких “мифов” – итоговая интенция и посылка этого исследования» (с.4)) и попутное выяснение отношений с советским маяковедением (с.7-16); 2. решение проблемы «двух Маяковских» путем выдвижения собственной концепции единства его до- и послереволюционного творчества (с.16).

Если первая задача на сегодняшней стадии изучения творчества В. Маяковского представляется уже анахронизмом, а беглый, иногда лишенный историзма, достаточно произвольный в выборе имен обзор отечественного маяковедения (с.7-16) выглядит избыточным, особенно при наличии защищенных диссертаций обобщающего характера, то решение второй задачи вызывает безусловный интерес. Задавшись вопросом: «На каком уровне возможно восстановить единые смыслообразующие компоненты его [Маяковского] поэтики, определяющие целостность творческой эволюции..?» (с.16), Екатерина Сергеевна Стрельникова выдвигает свою **исследовательскую гипотезу**: «Предлагаемый нами ответ таков: на уровне *мифотворческого* осмысления его наследия, предопределяющего выстраивание на первый взгляд разрозненных (либо сложно восстанавливаемых) элементов поэтики в целостную *неомифологическую* структуру» (с.16).

Актуальность исследования автор диссертации обосновывает «необходимостью *целостного* осмысления его [Маяковского] творческого наследия с позиции *актуальных подходов*» (с.19). В целом такая установка не

вызывает возражений, поскольку поэтические системы В. Маяковского и других представителей авангарда демонстрируют поразительную открытость навстречу самым разнообразным языкам описания. Трудно представить литературоведческую или культурологическую методологию, принципиально неприложимую к этим объектам. Отсюда устойчивый интерес все новых и новых поколений исследователей к казалось бы давно и разнообразно изученному материалу. Обратим внимание на то, что «лирические, лиро-эпические и драматические тексты Маяковского, созданные в период с 1912 по 1916 гг.» (с.21) осознаются автором диссертации именно как «материал», а не «объект» исследования, т.е. на *материале* творчества В. Маяковского демонстрируются возможности *неомифологического подхода* к интерпретации модернистского текста.

Диссертация обладает несомненной **теоретической значимостью**. В ней предложен субъектно-объектный подход к пониманию категорий мифологического и неомифологического, проведен убедительный сопоставительный анализ мифа и неомифа, выявлены такие характеристики неомифа, как субъективность, «неготовность», открытость, полигенетичность, полисемантичность.

Наряду с традиционными **методами исследования** – системным, структурным, сравнительно-сопоставительным, описательным Е.С. Стрельникова выделяет *«неомифологизм как целостную методологию литературоведческого исследования, направленную на обнаружение и воссоздание неомифологической структуры текста»* (с.43), которая «одновременно и сопрягает частные методы, и *доминирует* над ними» (с.24).

Научная новизна диссертации состоит в разработке и применении к поэтике В. Маяковского неомифологического подхода, позволяющего «выявить логику соотносимости ее разноуровневых элементов и воссоздать целостную структуру поэтического дискурса» (с.24). Е. С. Стрельниковой удалось показать синтетическую и полигенетическую природу неомифологии Маяковского, в которой «связи образов, сюжетов, мотивов и элементов хронотопа объединены интенцией развития дионисийского, христианского и инициатического неомифов» (с.24). При этом инициатическая составляющая эволюции лирического героя раннего Маяковского в качестве самостоятельного значимого элемента **выделяется впервые**. Главным же достоинством исследования является удачная попытка показать неомифологические конструкции как инструменты разрешения противоречий в мировоззрении и поэтике В. Маяковского.

Практическая ценность диссертации состоит в выдвижении гипотезы, позволяющей под новым углом рассмотреть раннее творчество В. Маяковского и открывающей перспективы его дальнейшего исследования в предложенном аспекте. Результаты диссертации могут использоваться в вузовских курсах по литературе Серебряного века, спецкурсах по мифопоэтике и творчеству В. Маяковского.

Оригинальность работы заключается в последовательном воссоздании целостной художественной системы, возникающей на

пересечении разнородных мифологических пластов и индивидуально-авторских мифотворческих интенций и находящей выражение в единстве образного, сюжетного и мотивного уровней.

Личный вклад исследователя состоит в применении методов неомифологического анализа к раннему творчеству В. Маяковского.

Положения, выносимые на защиту, представляются убедительными, подтверждаются проведенным анализом привлекаемых в работе материалов.

Проблематика и выводы диссертации **соответствуют паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература** по следующим пунктам: п. 4 – история русской литературы XX-XXI веков; 8 – Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве.

Структура работы определяется целью и задачами исследования.

Первая глава обеспечивает добротную теоретическую основу диссертации, представляет понятийный аппарат и методологию анализа.

«Неомифологическое в художественных практиках Серебряного века» (раздел 1.1.2) иллюстрируется главным образом мифотворчеством Д. Мережковского, З. Гиппиус, В. Брюсова, И. Анненского, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, А. Блока. В результате этого В. Маяковский помещается в современный, влиятельный, но не самый близкий поэту интеллектуальный контекст символизма. Футуристы же упоминаются только в связи с небольшой, касающейся частной мифологемы авиатора статьей В. Мароши и диссертацией Т. В. Давыдова «Дионисийское начало в ранней лирике В. В. Маяковского». Между тем проблема неомифологизма в русском футуризме не раз привлекала внимание исследователей, прежде всего, применительно к творчеству В. Хлебникова. Это не только классические работы Х. Барана («О Хлебникове. Контексты, источники, мифы»), но и, например, статья О. А. Лукьяновой «“Дети Выдры” В.В. Хлебникова: неомифология универсалий», диссертации Н.А. Мельниковой «Имя в системе поэтического языка Велимира Хлебникова» (Омск, 2004), Е. А. Капустиной «Миф о поэте в творчестве Велимира Хлебникова» (Барнаул, 2005), О.А. Лукьяновой «Идея универсума в поэзии В. Хлебникова: языковая система, мотивы, источники» (Москва, 2009).

Дионисийский миф «как элемент общего неомифологического дискурса раннего творчества Маяковского» автор диссертации считает «основополагающим и исходным» (с.104), поэтому он занимает центральное место в главе и работе в целом и рассматривается сквозь призму идей Ф. Ницше и Вяч. Иванова.

Аналитические главы диссертации представляют собой реконструкцию единого лирического сюжета ранних текстов В. Маяковского и стоящей за ним неомифологической системы. Убежденность во «внутренней целостности объекта и обеспечивающих его механизмов» (с.23) ведет автора по пути моделирования сверхтекста авторского сознания,

внутри которого утрачивают значение границы отдельных произведений, но при этом вырисовывается общая логика движения.

Вторая глава посвящена исследованию антропологических неомифов В. Маяковского. В центре внимания лирический герой, образ которого возникает на пересечении дионисийского и христианского неомифов, объединенных мотивом искупительной жертвы (см. об этом: Бражникова Н., Лысенко-Макар Н., Мных Р. «За всех...»: «Флейта-позвоночник» В.В. Маяковского в свете искупительной жертвы»). Трансформация героя удачно интерпретируется посредством инициатического мифа.

Исследуя «три основные неомифологические ипостаси лирического героя В. Маяковского – и Диониса, и Христа, и забытого отцом ребенка» (с.99), Е.С. Стрельникова отдает себе отчет в разных природе, характере, формах и степени экспликации их в художественных текстах поэта. Если христианский код ранней лирики В. Маяковского очевиден и хорошо изучен, то имя Диониса даже ни разу не упомянуто поэтом. Между тем именно дионисийский миф автор диссертации считает центральным, отмечая при этом «его имплицитный характер» (с.100). В ходе анализа на сюжетном и мотивном уровнях последовательно выявляются «дионисийские характеристики лирического»: его двойственная, дисгармоническая природа, чувство вины, жертвенность, воинственность; сопутствующие ему музыкально-экстатические мотивы (интересно проанализировано вкрапление нотных фрагментов в поэму «Война и мир»), мотивы танца, безумия, преследования толпы, убийства, солярные образы и т.д.

Увлекаясь тонкостями различных вариантов дионисийского культа (например, обнаруживая отголоски дионисийско-загрейских интерпретаций античных мифов (с.118), параллели с подробностями ритуалов сельских Дионисий древних греков (с.119)), исследователь иногда позволяет себе некоторые натяжки. Это касается, например, перверсий образов отца, матери, возлюбленной (с.119, 124-132); преувеличена, на наш взгляд, феминность лирического героя (с.125, 131), чему не соответствуют ни его многочисленные самопрезентации, ни общий мизогинический настрой футуризма.

Анализ христианского неомифа в работе Е.С. Стрельниковой подчинен задаче выявления его корреляции с доминирующим дионисийским. На этом пути сделан ряд интересных наблюдений, касающихся функционирования мотивов искупительной жертвы, отсечения головы, взаимоотношений отца и сына, преодоления индивидуации.

Инициатический миф позволяет объяснить трансформации образа лирического героя, связанные с преодолением им лиминальности, выдвинуть самостоятельную гипотезу об особенностях эволюции солярных и инфантильных мотивов.

В третьей главе осуществлена успешная попытка реконструкции неомифологической модели мира раннего В. Маяковского. Главным ее достижением является последовательное доказательство тезиса о том, что «сочетания дионисийского, христианского и инициатического неомифов

находят свое выражение на всех уровнях художественного» (с.27, 247), в частности, продемонстрирована неомифологическая природа хронотопа, характеризующегося пограничностью, цикличностью, эквивалентностью, разомкнутостью. Оригинальна трактовка частотных у В. Маяковского образов будущего в свете инициатического мифа. Справедливым представляется вывод о перенесении характеристик и свойств лирического героя на картину мира в целом. Интересны, хотя и небесспорны наблюдения за соотношением урбанистического и природного (вывод об их «органической общности» (с.195) представляется преувеличением; ср.: «После электричества совершенно бросил интересоваться природой. Неусовершенствованная вещь» и др.), убедительно проанализированы анималистические мотивы, роднящие лирического героя с городским пейзажем.

В заключении диссертации обобщаются результаты проведенного исследования, делаются выводы о корреляции трех неомифологических пластов, их взаимосвязанности и взаимообусловленности.

По прочтении работы возникают следующие вопросы:

1. Исследуя полигенетическую структуру неомифологического дискурса, Е.С. Стрельникова останавливается на трех мифах – дионисийском, христианском, инициатическом, в то время как неоднократно упомянутый в работе и, казалось бы, очевидный по отношению к поэту орфический или типологически близкий лирическому герою В. Маяковского прометеевский не становится объектами исследовательского внимания. Чем обусловлен такой выбор?
2. Каким образом выявленная неомифологическая система раннего В. Маяковского помогает ответить на поставленный в начале работы вопрос о единстве до- и послереволюционного творчества поэта?

Замечания по работе:

1. Следствием избранного исследовательского подхода, имеющего свои плюсы, является ослабление внимания к историко-литературному контексту творчества В. Маяковского. Так, например, сознательно выносятся за скобки его принадлежность к футуристическому движению (с.21). Между тем именно идеология и эстетика футуризма многое определяют и в отношении Маяковского к архаическим пластам культуры, и в интерпретации библейских сюжетов и образов, и во многих частных вопросах (соотношение мужского и женского начал, молодости и старости, природы и цивилизации, пространства и времени и т.д.), затронутых в работе. Другим следствием этого подхода является недифференцированное отношение к текстам поэта, пренебрегающее художественной завершенностью, исторической и биографической обусловленностью каждого из них.
2. Характеризуя неомиф, Е. С. Стрельникова отмечает слабую степень его вербализованности и допускает, что он «не всегда может быть осознаваем автором, если является порождением эпохи и сопряжением смыслов, «витающих в воздухе», которые транслируются автором невольно» (с.40-

- 41). В связи с этим возникает вопрос о методологии анализа. Исследователь исходит из «*презумпции присутствия* в тексте мирозидательной мифотворческой интенции» (с. 63, с. 244). Думается, что, если бы автор диссертации не игнорировал футуристическую парадигму творчества В. Маяковского, ему не пришлось бы апеллировать к «презумпции присутствия», имея возможность восстановить пути проникновения тех или иных идей в творческое сознание поэта. Так, например, недостаточно, на наш взгляд, сослаться на «воздух эпохи» (с.144) и «хронологическую соотносимость» (с.99) ранних произведений В. Маяковского с «ещё находившимися в процессе создания» (с.99) работами Вяч. Иванова. В исследовании, опирающемся на концепцию дионисийства Вяч. Иванова, важно было бы установить факты вовлеченности футуристов в круг обсуждаемых символистами проблем. Сам В. Маяковский не был близок с Вяч. Ивановым и лишь в двух контекстах упомянул его имя: процитировав эпиграмму «Новаторы до Вержболово...» (первоначально ошибочно приписав ее Хлебникову), и в связи с «Чистой современной поэзии» в 1922 г. Но «ивановский след» в футуризме проследить можно, опираясь на исследования А. Шишкина «Велимир Хлебников на “Башне” Вяч. Иванова», Е.А. Капустиной «Поединок охотника и оленя (попытка реконструкции «ивановского текста» в раннем творчестве В. Хлебникова)», И. Лоцилова «О символистских источниках двух стихотворений Алексея Кручёных». О национальном варианте мифа о Дионисе в пьесе Хлебникова «Девий бог» писал еще Н. Л. Степанов в книге «Велимир Хлебников. Жизнь и творчество» (1975), Лена Силард в работе «Аполлон и Дионис (к вопросу о русской судьбе одной мифологемы)» (1981), В.К. Шелейко в статье «Миф и мистерия в ранней драматургии Велимира Хлебникова: дионисийский код в пьесах “Таинство дальних” и “Девий бог”» (2021). О вовлеченности Б. Лившица в круг обсуждаемых аполлоническо-дионисийских проблем прямо свидетельствуют его «Флейта Марсия» и «Полутораглазый стрелец» а также посвященные Б. Лившицу исследования А. Урбана, Ю. Моревой, А. Пурина. Привлечение этих и других работ укрепило бы доказательную базу исследования.
3. Раздел 1.2.1. «Рецепция идей Ф. Ницше в русской философской мысли» берет на себя несколько больше, чем в состоянии выполнить, поскольку этой проблеме посвящена уже целая библиотека исследований, далеко не все из которых учтены в диссертации. Это и работы общего характера: Э. Клюс «Ницше в России. Революция морального сознания», «Ф. Ницше и философия в России», «Фридрих Ницше и русская религиозная философия», В. Рыбкин «Ницшеанство в России на рубеже XIX-XX веков», Н. Мотрошилова «Дискуссии о философии Ф. Ницше в России серебряного века», и более частные, тесно связанные с заявленной в диссертации проблематикой: Е. Щербакова «Культурологические идеи Ф. Ницше в художественной культуре XX века», С. Рассадин «Фридрих Ницше и философия культуры русского символизма», В. Буланов «Ф.

Ницше и русская экзистенциальная философия культуры», И. Кондаков «Фридрих Ницше в русской культуре Серебряного века», Г. Варакина «Между Дионисом и Аполлоном: Очерки о русской культуре “серебряного века”» и т.д.

4. Проблема «Маяковский и Ницше», принципиальная в рамках данного исследования, поскольку именно к Ницше восходит большинство «дионисийских» интуиций и образов В. Маяковского, также не представляет собой terra incognita. Она была очевидна для современников поэта в период становления футуризма (А. Закржевский, Г. Тастевен, А. Крученых); поднималась в 1920-е годы (В. Силлов «Революция духа (Ницше и Маяковский)», Н. Устрялов «Религия Революции», Н. Чужак «Тринадцатый апостол»); никогда не исчезала из поля зрения западных ученых (Stahlberger L. The Symbolic system of Majakovskij (1964), Baumgarth C. Geschichte des Futurismus (1966), Pomorska K. Majakovskij's Cosmic Myth (1985), Rosenthal B. A New Word for a New Myth (1991), Янгфельдт Б. «Крикогубый Заратурстра» Предварительные заметки о влиянии Ницше на молодого Маяковского (1993)); вернулась в отечественное литературоведение в 1990-х годах (Вяч. Вс. Иванов, П. Климов, И. Ивлева, Т. Майорова, О. Романова О. Калинина и др.).
5. Стиль работы страдает излишней публицистичностью, его характеризует обилие риторических вопросов и восклицаний, метафоричность, нетерминологическое употребление часто повторяющихся понятий. Так, например «код» (38 раз) может быть культурным, мифологическим, неомифологическим, дионисийским, аполлоно-дионисийским, христианским, библейским, новозаветным, инициатическим, ницшеанским, солярным, лунарно-солярным, небесным, земным, отцовским, детским и взрослым, театральным, футуристическим, художественным... Произвольность, разномасштабность, неиерархичность представленных кодов очевидна. Не менее бессистемно используется понятие «эпифания» (29 раз): героическая эпифания лирического героя; его эпифаническое «звериное» обличье, система эпифанических двойничеств, эпифанией Лилит считается образ Саломеи, эпифаническая ипостась, орнитологические эпифании лирического хронотона. Ни христианскому (богоявление), ни джойсовскому (озарение) пониманию этого явления процитированные контексты не соответствуют и, следовательно, требуют прояснения. В работе довольно много повторов, особенно в третьей главе.
6. Библиография содержит 485 наименований, среди которых много необязательных, весьма далеко отстоящих от темы исследования работ, но в то же время в ней обнаруживаются очевидные лакуны, о которых было сказано выше.

Высказанные замечания не ставят под сомнение научной значимости и практической ценности диссертации.

Работа апробирована на 11 научных конференциях, в числе которых — две зарубежные, три международных, пять всероссийских. Основные

положения диссертации отражены в 15 научных публикациях, четыре из которых опубликованы в изданиях, входящих в перечень ВАК, одна – в журнале, входящем в международную систему цитирования Web of Science, одна – в международной коллективной монографии.

Автореферат и представленные публикации по теме диссертации отражают ее основные положения.

Подводя итог всему сказанному, можно утверждать, что диссертация Е. С. Стрельниковой **«Мифотворчество в ранних произведениях Владимира Маяковского (1912 – 1916 гг.)»** представляет собой научно-квалификационную работу, содержание которой соответствует специальности 10.01.01 – Русская литература, отвечает требованиям п. 9, 10, 11, 13, 14 действующего «Положения о присуждении учёных степеней», а её автор, **Екатерина Сергеевна Стрельникова**, заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв составлен доктором филологических наук (специальность: 10.01.01 – Русская литература) профессором Иванюшиной Ириной Юрьевной, обсуждён и утверждён на заседании кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» 29 августа 2022 г., протокол № 1.

Заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Саратовский
национальный исследовательский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»
кандидат филологических наук,
доцент

Борисов Юрий Николаевич

410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
(ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»)
8(8452)21-06-49 (кафедра русской и зарубежной литературы)
XXveka@gmail.com

Подпись Борисова Ю.Н. удостоверяю.
Проректор по научной работе и цифровому развитию
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»
д-р физ.-мат. н., проф. А. А. Короновский

